

Myronova, Valentyna Mykolajivna

**Административно-территориальное устройство земель
Галицкой Руси XV-XVI вв. и их представление в
латиноязычных актовых книгах**

Opera Slavica. 2000, vol. 10, iss. 2, pp. 27-32

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117769>

Access Date: 22. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ЗЕМЕЛЬ ГАЛИЦКОЙ РУСИ XV–XVI ВВ. И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ЛАТИНОЯЗЫЧНЫХ АКТОВЫХ КНИГАХ

Валентина Николаевна Миронова (Киев)

До смерти короля Владислава Ягайло (1434 г.) Галицкая Русь еще не считалась провинцией Польского государства, а всего лишь персональным доменом короля; Едлинский привилей 1430 г. положил начало изменению статуса бывшего княжества, тем не менее окончательно этот процесс был завершён в 1434 г. королем Владиславом III, сыном Ягайла. В начале его правления на протяжении 1434–1435 гг. на территорию Галицкой Руси было распространено так называемое «коронное право», вследствие чего местное боярство-рыцарство уравнивалось в правах со шляхтой остатка провинций государства. Главнейшим преимуществом этого было внедрение локального шляхетского («земского») самоуправления с одновременным созданием выборных земских судов и проведением регулярных съездов шляхты – сеймиков, на которых решались локальные проблемы и избирались на общий сейм послы, которые должны были отстаивать на них региональные интересы. Самоуправляющейся единицей считалась вся совокупность шляхты («рыцарский круг»), поселенной на определенной территориальной единице – «земле» (лат. *terra*). Затем, в соответствии с более давними традициями Галицкой Руси (отныне – Русского воеводства), здесь выделились земли: Львовская, Перемышльская, Саноцкая, Галицкая и Холмская. В 1462 г. нормы Едлинского привилея были распространены на соседнее с Галицкой Русью Бэльзкое княжество (отныне воеводство).

Затем, подобно другим провинциям Короны Польской, на украинских землях устанавливается два типа судов: 1) самоуправляющийся шляхетский («земский»), который разрешал гражданские споры шляхты; 2) суд королевского наместника («старосты»), под надзором которого оставались оборонительные замки в центрах земель, или «гроды» (от чешского *hrad*); этот суд получил название гродского и рассматривал исключительно уголовные преступления, так называемые «Четыре грод-

ских артикула»: поджог, убийство или нападение на дом, разбой, изнасилование. Первый из судов возглавляли три пожизненно избранные шляхтой лица – судья, подсудок, писарь; в гродском суде номинально дело вел староста, но чаще всего это делали его заместители – подстароста и гродский писарь. Присутствие писаря в обоих составах судов была неслучайной. Со второй половины XV в. устанавливается практика обязательного фиксирования судопроизводства в соответствующих протоколах, которые потом переписывались начисто и брошюровались в судебные книги, хранившиеся в архиве суда. До нашего времени дошло около 7 тыс. судейско-административных книг земель Галицкой Руси, начиная с 20-х годов XV в.; в остальных регионах Украины они охватывают период с 50-х лет XVI в. и насчитывают около двух тысяч томов.

Книги еще не были, очевидно, переписаны начисто. Это – типичные для европейского делопроизводства тех времен «дутки» – согнутые в половину длины, которые после их заполнения брошюровались в небольшие по объему, узкие и длинные книжечки. Записи насыщены помарками и пропусками, текст не всегда читабельный и перенасыщен сокращениями, поэтому в издании Ксаверия Лиске немало его собственных реконструкций представлены как гипотетические.

Систематические исследования латиноязычных административных судебных и финансовых книг украинских учреждений почти не проводились. В частности, совсем еще не исследован вопрос о генезисе этих книг на украинской почве, об их специфично местной истории. По сути отсутствуют историко-юридические исследования о прошлом этих учреждений, от которых осталось книжное делопроизводство, а без знания их истории, роли и места в административно-судебной, а также общественно-политической системе прошлого проводить классификацию книг невозможно. В украинском источниковедении еще не разработаны и некоторые вопросы терминологического характера. Например, неизвестно, какое содержание вкладывается в неудачный, на наш взгляд, термин «актовая книга». В средневековой судейско-административной практике термины «акты» и «книги» употреблялись как тождественные, поэтому внедрение термина «актовая книга» тавтологично. По мнению Дашкевича Я. Д., генезис книг в Украине – в связи с тем, что древнейшие письменные памятники такого типа не дошли до нас – окончательно не установлен. Степень исследования книг прямо пропорционален степени их сохраненности: лучше исследованы книги территорий, на которых их осталось больше. В связи с тем, что значительная часть территории Украины на протяжении столетий находилась в составе Польши, опре-

деленное значение для нас имеют работы польских исследователей, написанные частично на украинском материале. С этой точки зрения заслуживают внимания работы П. Домбковского, М. Хандельсмана. Источниковедческая литература досоветского времени насчитывает лишь несколько научных исследований и информационных сообщений, посвященных книгам. Посвященные им статьи обзорного характера вышли из-под пера украинских исследователей О. Калитовского и Б. Барвинского. Глубже проанализировали книги как исторический источник украинские историки В. Купчинский и Н. М. Яковенко.

Галицкая Русь делилась на четыре административных округа. Издатель старался, насколько это возможно, укомплектовать книги, учитывая существующее административное деление и хронологию записей. Таким образом, мы имеем судебные книги, в которых собраны акты записи городских и земских судов преимущественно одного округа, хотя встречаются и смешанные записи.

Здесь мы не будем характеризовать каждую из девяти книг в отдельности, а попробуем дать общую характеристику актов записей каждого административного округа по таким дифференциальным признакам:

- 1) степень сохранности книг;
- 2) соблюдение хронологии и логического содержания записей;
- 3) уровень грамотности записей;
- 4) степень языковой интерференции.

Наибольшую сложность для составителя представляли Галицкие земские акты, которые плохо сохранились (в них много брака и пропусков, в особенности в городских актах, представленных практически лишь отрывочно). Сложность состоит в том, что с 1460 года акты городских судов записывались отдельно от земских актов, в другие книги, хотя дела, рассматриваемые в городских судах, ничем не отличались от дел земских судов, даже судьи были одни и те же. Издатель актов отмечал, что данные акты записи «не являются первоисточниками, они также являются копией первичных актов». Это частично объясняет большое количество пропусков и путаницу в записях актов. Многочисленные грамматические ошибки и нарушение правил тогдашней орфографии еще раз подтверждают, что образование и знание латинского языка Галицких судебных писарей не были выше, чем у писарей Львовских и Перемышльских. Однако можно отметить некоторую оригинальность языка у писарей Галицких судов по сравнению с судебными писарями из других округов. Например, только им свойственно менять /e/ на /a/ в различных позициях соответствующей ей фонемы в словах:

- 1) *avassio*, *avasio* вместо *evasio* – (*evasio*, *onis* – «отход»)¹;
- 2) *aicendendum* вместо *ēicendendum* – (от *ejicio*, *jeci*, *jectum*, *ere* – «изгнание»);
- 3) *camararius* (в любом из вариантов употребления слова) – вместо *camerarius* (*camerarius*, *ii* – «коморник»).

Галицкие судебные писари под влиянием письменного варианта языка отдавали предпочтение растягиванию произношения как латинских слов, так и польских, вероятно стараясь избежать или компенсировать *hiatus* («зияние»): *hihahat* вместо *ichnat*, *widahal* вместо *widal*.

Еще одна интересная деталь из особенностей обозначения звуков. Зачеркнутая *a* или *o* обозначают соответственно носовые /a/ или /o/, но Галицкие писари вводят еще и /w/, стараясь, таким образом, отличить произношение /u/ от /w/. Впрочем, это написание проводится непоследовательно, в результате чего имеют место случаи, когда /w/= /u/ и /w/= /w/. Например, в названиях населенных пунктов: *Dalow* (*Dalov*), *Godowska* (*Godovska*), *Martow* (*Martov*), где /w/= /w/. Есть в записях уникальные случаи параллельного употребления /w/= /u/= /w/ в одном и том же слове. Например, *Bwkowno* (*Bukovno*). Данное явление можно частично объяснить влиянием украинской фонетики, для которой характерно произношение /o/ как губно-губного близкого к /y/ в большинстве позиций.

В Галицких актовых книгах среди записей на латинском языке встречается интересная запись на древнерусском языке. Это постановление галицкого веча о преследовании преступников и о доминиальном суде. Ее появление среди латинских записей можно объяснить двумя причинами: или она относится к тому времени, когда в Галицкой Руси действовало русское право и актовые книги велись на русском языке (выше было сказано о путанице в хронологии Галицких актов), или запись сделана человеком, не знавшим латинского языка, в отсутствие судебного писаря, или, что также возможно, писарь не признавал введения новых законов об языке судопроизводства.

Таким образом, актовые записи Галицких гродских и земских судов как по форме, так и по смыслу (языку) отличаются от актов других административных округов.

Саночки акты, в отличие от Галицких, сохранились хорошо, хотя хронологически они и не укомплектованы, но без заметного письменного

¹ Здесь и далее все примеры приводятся в орфографии оригиналов.

брака и пропусков слов. Наличие в большинстве записей только актов земских судов позволяет сказать, что в Саноцких актах не сохранились следы коморников и их деятельности. Но присутствуют многочисленные записи валашского права (*judicii valachorum*), отсутствующие в актовых книгах других земель, хотя поселения, которые пользовались валашским правом, появились в Галицкой Руси очень рано. А с XV в. валашское право стало распространяться и на поселения, которые сначала не имели отношения к валашскому праву. Однако сохранившиеся записи не дают полного представления о внутреннем устройстве валашских поселений. Единственное, что становится понятным из Сяноцких актов, это то, что все валашские поселения группировались в территориальные общины-«крайны». Во главе «крайны» стоял «крайник».

Саноцкие акты отличаются непоследовательностью при рассмотрении судебных дел; на суде старостами решались самые различные дела: как те, что остались позднее вне юрисдикции гродского суда, так и переданные в земский суд.

В актовых записях Саноцкой земли встречается наибольшее количество объяснений на польском языке к употребляемым латинским терминам (а иногда и после обычных слов), чаще всего незафиксированных словарями в том значении, которое они приобретают в актовых записях. Наличие значительного количества объяснений именно в Саноцких записях можно объяснить исключительно влиянием польского языка и недостаточным (или посредственным) знанием латинского языка.

Саноцкие акты, как и Галицкие, в значительной мере уступали как орфографической грамотностью, так и своеобразностью стиля Актам Перемышльского и Львовского судов.

Гродские и земские акты Перемышльских судов включают и записи Пшеворского суда, поскольку в Пшеворске находился филиал Перемышльского земского суда и там заседали судьи из Перемышля. Перемышльские и Пшеворские земские акты являются уникальными, поскольку повсюду на территории Галицкой Руси акты исчезли полностью, а к первой половине XV в. от них остались лишь отдельные, не связанные между собой части.

Несмотря на значительные пропуски слов и целых выражений, содержание записей реконструируется. Перемышльские записи отличаются краткостью, грамотностью оформления и содержательностью, поскольку деятельность судов Перемышля была более широкой, а образование судебных писарей, как можно предполагать, было лучшим, чем у писарей Галицкой и Саноцкой земель. В связи с этим в Перемышльских актовых

записях нет «языковых ужасов» и таких многочисленных грамматических ошибок, как в актах Галицких и Саноцких судов.

Одни актывые записи подаются в сокращении, а содержание других неоднократно повторяется, хотя издатель и сделал попытку классифицировать все записи как акты судебных дел (*acta judicialia*) и акты постановления сеймиков, или вечевые акты (*perpetita*). Среди Перемышльских и Пшеворских актов фрагментарно представлены гродские Гзельские акты с многочисленными ошибками – частично по причине отсутствия оригиналов.

Интересной чертой Львовских актов являются дополнения к предшествующим записям, что было распространенным явлением (это касается, прежде всего, актовых записей прав пользования землей). Указанное происходило из-за того, что, желая дать награду лицу, которое владеет землей согласно записи, король к прежней привилегии прибавлял новую. Таким образом появлялось дополнение, которое повторялось в каждой записи. Во Львовской канцелярии не очень тщательно велись реестры уже записанных актов, поэтому нередко можно встретить повторение одних и тех же текстов. Интересен и тот факт, что многочисленные Львовские акты (единственные из упоминавшихся) указывают на существование института невольничества в Галицкой Руси. Здесь же мы находим несколько понятий на обозначение состояния невольничества, а именно: *servus* (раб), *illiber* (невольник), *familia illibera* (невоенная челядь), *kalanny* (раб).

Подытоживая, следует сказать, что образование судебных писарей (соответственно и грамотность судебных записей) зависело от того, когда началась и насколько интенсивно проходила колонизация указанных территорий. Перемышльская и Львовская земли были наиболее удобным местом для развития земледелия, поэтому здесь колонизационные процессы происходили быстрее, а образование и знание латинского и польского языков судебными писарями были, несомненно, выше, чем в землях Галицкой и Саноцкой.

Вышеупомянутый факт делает актывые записи Галицких и Саноцких книг более оригинальными, непривычными в плане их языковых особенностей. В них наиболее ярко прослеживаются изменения морфологии и синтаксиса латинского языка, испытывавшего влияние украинского, польского и чешского языков.